

Забудем. Простим

История одного предателя, в котором корреспондент «РР» попытался увидеть человека.

Сергей Маслов. Фото Владимира Емельяненко

Сергею Маслову 91 год. Он живой Участник легендарного парада в Москве осенью 1941 года, кавалер ордена Красной Звезды и ордена Славы, бывший председатель Совета ветеранов подмосковной Мамонтовки. Год назад был лишен всех званий и наград. Страна узнала, что Маслов - три года служил в немецком карательном батальоне «Митте», десять лет отсидел в лагерях за измену Родине, какими-то полуправдами получил в 1980 году документ ветерана и с тех пор маскировался под героя. Пока шел суд, Маслов общаться с журналистами отказывался наотрез. Спустя год он согласился рассказать свою историю корреспонденту «РР».

- Я не сдамся, - услышав приговор суда, дед упрямо вздернул подбородок.

- Хочет быть и нацистом, и ветераном, как Штирлиц, - отреагировала с другого конца зала Алла Колбахова, многолетний секретарь Маслова и его главный разоблачитель.

Биохимия противостояния

Чтобы попасть в дом Аллы Колбаховой, надо ногой отодвинуть чурку от калитки и пробраться сквозь груды дачного хлама.

- Столько нервов! - Алла Михайловна окидывает взглядом не убранные с осени огород и сад. - Вот свои десять соток с этими разбирательствами запустила. Но я не сдамся. Я блокадница и дочь блокадника. Ради чего я голодала и выжила? Как мне в глаза людям смотреть, если пройду мимо?

Она хочет быть понятой.

- Думаете, так просто судиться с тем, кого вчера считала своим. Это сейчас я понимаю, что он красоваться любит, собрания проводить, быть первым везде. Такой характер. А когда в девяностые о нас реформаторы говорили, что мы поколение «пустых кастрюль» и сами сдохнем, он нам общественное питание по талонам организовал, деньги находил ...

Из доводов защиты Сергея Маслова в суде: Подсудимый - мастер конного спорта, один из конюхов Сталина, офицер Красной армии, бывший чиновник Министерства автомобильного хозяйства СССР, член оргкомитета Олимпиады-80 и судья всесоюзной категории по конному спорту. В девяностые именно благодаря его настойчивости были возобновлены шествия участников парада на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Даю Алле Михайловне справку из суда, которая подтверждает, что Маслов воевал на фронте до августа 1942-го, когда попал в плен. Она берет документ как гранату, листок в ее руках дрожит крупной дрожью.

- Даже если и воевал, он все обнулил пленом и пособничеством, - Колбахова непреклонна. - И мне непонятна позиция Совета ветеранов Мамонтовки, который его защищает и оправдывает.

Александр Иванович Жучков, 91-летний сосед Колбаховой, связист, как раз из тех, кто оправдывает. Всю войну прошел-проплыл с катушками от Калуги до Югославии.

- Я что заметил, - Жучков, высушенный годами и непосильным трудом до субтильности подростка, говорит как рубит. - Фронтовики Маслова не осуждают. За что? За то, что, как все, ушел на фронт? Или за плен? Так он за него десять лет. От звонка до звонка. Ну не герой. И чего? Вот мне говорят «герой» и все такое ... Так это ... у связистов все было просто: кто с катушками умел плыть под огнем, выживали, а кто начинал паниковать, пристреливали. Свои. Бывало, просишь командира: «Погодь, выкарабкается!»! А нельзя. Вдруг в плен возьмут. Безопасность связи, мать вашу ...

Он смолкает. Утыкается глазами в мозолистые ладони. И снова:

- А кто не воевал, это ... кина насмотрелись и воют теперь. Свой, не свой... Да тогда кто угодно мог в плен попасть ...

Фото: из личного архива С. Маслова

Биохимия плена

С Масловым мы с ходу напрягли друг друга.

- Тоже будете ногу в дверной проем совать и микрофоном в рот тыкать? - Встретил он той разновидностью улыбки, от которой охота отвернуться.

Его жена Ирина Борисовна как натянутая струна.

- У нас под окнами СМИ месяц стояли, - темнеет она лицом. - Как на дичь охотились. Позвонят по телефону, будто из ЖЭКа или скорой, я иду открывать. А они как пулеметная очередь: «Почему Ваш муж не остался в Америке? Вас правда с коронками золотых зубов поймали?» Я дверь хочу захлопнуть, а они берцем в порог, потом в окна орут. Ну, террор.

Я готов к тому, что сейчас меня выставят за дверь. Но Ирина Борисовна сдавленно произносит, обращаясь к мужу:

- Сережа, может, попробуем? Хуже, чем есть, уже не будет. Помнишь, как ты мне рассказывал ...

Маслова прорывает:

- С ума сошли? Кто мне поверит? Скажут: «Сказочник».

- Вас ведь лошадь в плен сдала? - Демонстрирую я свою осведомленность.

В 1942-м лейтенант связи 11-го кавалерийского корпуса Маслов после ранения и офицерских курсов на Урале попал подо Ржев. В самое пекло знаменитого ржевского «мешка», где фашисты окружили несколько советских дивизий. 19-летний Маслов держал связь между раздробленными частями Красной армии. Пересказ справки Генпрокуратуры и КГБ Беларуси, чей архив и стал источником обвинения, он слушает настороженно.

- Держал связь? - Злится. - Не было связи. Все фашист запеленговал или уничтожил. Жрать месяца три, а то и больше нечего было. Вся связь. Я на коня и через лес к окруженным соседям. А у них там то же самое.

- Сережа, аккуратнее, - волнуется за факты Ирина Борисовна. - Как три месяца без еды? Сам рассказывал, что конину ели.

- Ничего я не вру! - Заводится Маслов. И сразу становится дед как дед. - Похож На обиженного мальчишку. Лицо краснеет, один глаз блестит влагой. - Лошадей беспризорных полный лес. Кавалеристов-красноармейцев-то поубивали. Да и фашист нес потери, а у него артиллерия была еще на конной тяге. Вот мы коней и ловили. Сырыми ели. За костер расстрел. На моих глазах, бывало, товарищ товарища убивал. И правильно! Если разжигать костер, самолет-разведчик нас как на ладони видит. Но не все выдерживали, кто-то тайком костерок разведет, бушлатом его прикроет, а самолеты уже летят, бомбежка. Вот мы и давились сырой кониной. Хранили ее в земле, чтобы не тухла. Воду пили из болот. Красная такая, торфяная. Кишки ныли не передать как.

Когда дед говорит, что все это было не самое страшное, «а так, артподготовка», веришь не столько ему, сколько его вжатым плечам и глазам. Он говорит, что жуть начиналась с наступлением немцев, словно инопланетная машина, до деталей знавших дислокацию окруженных. На русском, иногда без акцента и с дружескими нотками, репродуктор звал сдаться.

То парнишка какой лет восемнадцати, то ополченец из местных вдруг срывался и бежал куда глаза глядят. Сначала таких валили на землю, минут через пять боец очухивался и шел в бой. Если выживал, говорил, что не помнил себя, а то и спорил: «Не было такого!». Но чем туже «мешок» затягивался, тем ... зверели мы ... Командиры бегунам просто пулю вдогонку пускали.

Он затихает, медля с рассказом о том, как попал в плен. Если верить протоколу допроса, это случилось, когда его послали к соседям с донесением: решили вырваться из «мешка» сами, без указаний центра, предлагалось это сделать Вместе. По пути, у деревни Сергеевка, вечно голодный Маслов попросил еды. Пожилая женщина вынесла ему край лепешки, но он не успел ее попробовать. «Немцы!» - Выбежал перепуганный мальчишка. Они входили в деревню. Лес был от нее на расстоянии километра.

- На этом отрезке они меня и достали пулеметами, - дед выдавливает каждое слово. - Не по мне, по лошади попали. Я хоть и знаю, как падать, инструктор все же, а не помню, как оказался под лошадь. «Хана», - успел подумать.

Очнувшись, увидел прямо перед собой дула автоматов. Лишь в лагере он понял, почему его не пристрелили. Фашисты разглядели петлицы офицера-кавалериста. В начале войны офицеров и евреев немцы расстреливали на месте, но в 1942-м Гитлер издал приказ брать в плен специалистов в жизненно важных для фронта областях. Впрочем, у оппонентов Маслова в суде другая версия: он остался в живых благодаря тому, что выдал немцам расположение окруженных войск.

- Ложь! - Дед группируется, как для удара. - Есть протоколы допроса. Там черным по белому: координаты «мешка» фашистам были известны лучше, чем нам. Что я им мог сообщить? Потом, после плена, я много читал, изучал документы. Нас просто бросили подо Ржев и забыли, потому что Сталинград начался. А что такое армия без связи, без координации и питания? Сборище баранов. Это нас предали, а не ...

Он осекается на полуслове.

- Нет мне оправдания, - дед, словно опомнившись, сам себя опровергает. - Знал, что по уставу красноармейцы не сдаются, сам учил бойцов этому. Не успел себя порешить, потерял сознание. Лучше бы меня лошадь раздавила.

Последнюю фразу он в лагерях под Оршей и в Борисове повторял не раз. Там пленные еды не видели неделями. Сутки через двое ее заменяла кружка вонючего супа из костной муки. Потом вдруг стали давать похлебку на гречневой шелухе, но зато каждый день.

- Запоры от той шелухи начались страшные, - дед краснеет и отводит взгляд. - Проволокой друг у друга из заднего прохода тащили этот, как его ... кал. Как камень. Кто стеснялся или боли боялся, тот сгинул. Сначала переходил в разряд лежачих. А в лагере накануне зимы такой был порядок - русский полицай говорил ходячим: «Десять полумертвых лежачих оттащишь в овраг, буханку хлеба получишь». А то и на работу неделю ходить не будешь, как договоришься. Плен - он жестче войны диктует ее закон, как выжить за счет другого. Я тоже чуть лежачим не стал. Раз ночью, чувствую, меня обмотали и тащат. «Братцы, - шепчу, орать

нельзя, с вышки пристрелят, - чего тянете, я живой». Они не бросили бы, все равно дотащили бы до оврага, но у меня сил достало обмотку стянуть и подняться ...

Биохимия пособия

Когда его приняли за труп, Маслова как обожгло: или он погибнет, или сделает все для своего выживания. Кто же знал, что этот поединок с самим собой за собственную жизнь затянется на годы.

- Нас полуживых перевели в Бобруйск, построили перед каким-то тузом, - дед до сих пор говорит о нем, люто сжимая губы. - Ходит в непонятной черно-зеленой форме, в фуражке с высокой тульей, смотрит, и никого не видит. Заметил у меня потускневшую от грязи эмблему - подкову и два клинка, - ткнул пальцем и на чистом русском спросил: «Кавалерия?».

Немцы привели пленного на конюшню. Маслов за шанс ухватился: у лошадей была мокрица - болезнь сырых копыт, когда они могут сгнить. Он вычистил стойла, объяснил, что нужны доски, песок. Соорудил сухие загоны.

- Из лагерного барака без окон и дверей я перебрался в теплую конюшню, - Этот момент дед вспоминает неохотно, с паузами. Избегает говорить о том, что по документам он сам попросился в конюхи запасного Бобруйского полка РОА генерала Власова. - За год с лишним первый раз откушал человеческой еды. Воровал у лошадей овес. Брал по зернышку, чистил, колот и грыз. Вкуса не было. Сытости тоже. Еще раз со мной разговаривал тот, с высокой тульей. Спрашивал, где я так научился управляться с лошадьми. Я сказал, что спортсмен-конник. Понимал, это вопрос жизни.

Из обрывков разговоров с другими пленными Маслов знал, что с ним говорил «какой-то царский генерал Яненко». И лишь год спустя, уже во Франции, он узнал, что его спаситель-покровитель - Николай Яненко, командир восточного полка РОА генерала Власова, российский эмигрант из Югославии, командир запасного Бобруйского полка. Снова встретились они уже во французской Бретани в 1943-м. Когда власовцев и немцев погрузили в поезд, Маслов был уверен, что их везут вглубь «поверженной» России. Так говорили немцы.

- Я туго соображал, - дед прикрывает глаза, - везут и везут. Как рогатый скот - куда пнут, туда и идем. Одно шевельнулось: зачем возить с места на место, чтобы убить? Значит ...

Во французской Бретани, в предместьях Сан-Брие, разгрузились окончательно. Лагерь разбили за колючей проволокой, но выход на волю свободный. Поселили в барак на двадцать коек, дали униформу и брикеты угля для отопления. Маслов сразу заметил, что немцев вокруг почти нет. И войны нет. Глухо. Когда война, всегда где-то вдалеке, как внутри большого организма, урчит и давит. Тут было тихо. Лагерь пестрел голубой французской формой, иногда немецкой, какими-то экзотичными прикидами, но больше других в глаза бросалось черно-зеленое, как у Яненко, обмундирование. И всюду родной, в три этажа, мат. Вот на нем сермяжном Маслова и просветили: немцы своих перебросили на восточный фронт, немного своих же оставили для присмотра в дотах береговой охраны Атлантики, а к ним добавили интернационал вермахта. Маслов спросил: «Зачем?» Его подняли на смех: «Ждем, когда американские корабли приплывут для высадки». Так он узнал, что открыт второй фронт, а первый приблизился к Германии.

Много позже американского плена и ГУЛАГа Маслов пытался понять место армии Власова в истории, а заодно и смысл своей переброски с восточного фронта-пекла на французский «курорт». По свидетельствам немецких историков, внутри вермахта не было единства в вопросе отношения к коллаборационистам. Гитлер был против использования русских войск на советском направлении. Риббентроп и Роммель убеждали его в обратном. В качестве эксперимента две дивизии - генералов Буняченко и Власова - Гитлер разрешил выставить против СССР. И оказался прав в своих опасениях: они не массово, но переходили на сторону противника или сбегали в третьи страны. Тогда начались ротации: власовцев, не очень понимая, что с ними делать, перекидывали на западный фронт, а немцев из Африки, Италии и Франции - на восточный.

Эта теория подтверждена документами, но и у меня в руках документ - выписка из архива КГБ Беларуси, в которой сообщается, что Маслов служил «... в 3-м отдельном карательном батальоне "Мите"».

Он не смотрит на выписку.

- Я не воевал с родиной, - хочется верить деду, но что-то мешает. - Воевал - дали бы не десять лет ГУЛАГа, а расстреляли. И карателем не был. Да, жил с ними бок о бок во Франции И Штатах. Да, пособничал в плену, чтобы выжить. Но не изменял ... Каждый свою цену платит за то, как жил. Я вот полжизни жалел, что фашисты меня вытащили из-под лошади и успели отнять пистолет. Теперь я им «спаси бог» говорю. С того дня я оружие в руках больше не держал. Вот такой у меня получилась война, и я готов принять обвинения лишь от

того, кто сам прошел через это. Ну, не стал бы я работать у Яненко - обмотали бы свои же тряпками и оттащили в яму за кусок хлеба. Это большой грех самому отказываться от жизни, потому что она божий дар. Но и за спасение платишь сам. По полной.

Биохимия предательства

В Америку Маслов летел на самолете. Первый раз в жизни. Когда подлетали к Вашингтону, был вечер. После крошечной тьмы Европы вечерние огни казались сном. По прилете прямо в аэропорту у них отняли вещмешки с сухарями и тут же сожгли. Паника началась, когда каждому в рот сунули по стекляшке. «Это чтоб мы навеки замолкли?» - Попытался кто-то сострить. Оказалось, термометры.

- Мы просто одурели в лагере под Вашингтоном, - дед смеется, как смеются те, кому за себя неловко. - Вместо барака комнаты на две койки, матрасы не из соломы, белые простыни. По утрам зарядка. Еда такая, что жрать жалко. Да и не знаешь как. Отношение как к людям. Не по-немецки: шапку срывать ни перед кем не надо. При лагере магазин. Нам деньги выдают согласно званию. На работу не посылают.

Местный пастор принес в лагерь мяч, и все - итальянцы, поляки, французы, сербы - перебрались на футбольное поле. Когда сколотили команду, пастор предложил поиграть в соседнем лагере «с коллегами». Приехали. Русский переводчик вернулся будто не в себе. «Там это... - напрягся он, - наци». А потом как прорвало: «У них ресторан, официантки, комнаты на одного, постель меняют два раза в неделю».

- На матч «коллеги» пришли в фашистской форме и при орденах, - Маслов говорит, что хоть и был подготовлен, но не настолько. - У них никто ни одного креста не отнял. Пастор намекал, что играть надо «деликатнее». Американцы настолько явно фашистам предпочтение отдавали, что как-то не по себе стало.

Потом были боксерские поединки, снова футбол и даже песни под гитару. И с каждым разом накапливалось все больше знаков корпоративного отличия. У немцев и рестораны разнообразнее, и жалование в два-три раза выше, и даже джинсы по выходным.

- Американцы - они не глупые. Показывают нам кино звуковое, свое. А про СССР - немое. Наша баба там, как обезьяна с гранатой, с винтовкой бегают. А в Голливуде красавицы жизни радуются. Нас с ума сводят. Языка не знаем, но картинку ловим. Это теперь я понимаю, что нас не развлекали, а вбивали стандарты американского масскульта. Тогда я и слов таких не знал. Ну и пошли мысли: «Чем я хуже?». Там американский поляк был, на вышке нас охранял. Разговорились как-то. У него отец на конном заводе работал. Говорит: «Давай к нам?».

Когда Маслов, как и многие вокруг, уже начал примеряться к жизни в Америке, осенью 1945-го в лагерь приехал представитель советской военной дипломатии. Предложил подписать документ о добровольном возвращении в СССР. Желающих не нашлось. К тому времени русские американцы уже знали, что первые соотечественники, давшие такую подписку, из Сан-Франциско были отправлены не во Владивосток и Находку, как было обещано, а в ГУЛАГ. Вот Маслов и занял позицию «подневольного человека». В официальных протоколах она сформулирована без вариантов: «отказался от советского подданства...». Пленные еще не знали о решении Потсдамской конференции: каждая из стран забирает своих пленных, даже если они против возвращения. Единственное условие, которое США выставили СССР, - не расстреливать. Когда администрация лагеря сообщила пленным о намерении США выполнить международные договоренности, там начался русский бунт.

- Как бунт? - Ирина Борисовна, глотнув воды, ставит стакан в сторону. - Сережа, тебе не поверят ...

- Девяносто один год как Сережа, - по-детски выпячивает он грудь. - Все помню.

Сначала русские вышли на плац с плакатом: «Мы не едем!». Потом начали писать петиции в Госдепартамент и президенту Трумэну. Когда же их насильно погрузили в вагоны, привезли в Нью-Йорк и они увидели море - заперлись в двухэтажном доме. Американцы, зная, что у бунтарей есть оружие, затаились.

- Мурыжили нас сутки, - дед помнит, как в доме завоняло безысходностью. - Наши начали вешаться, кто на мокрых полотенцах, кто на ремне. Днем мы еще срезали с полотенец ... кого успевали. Ночью хуже: не видно. Вот и сперло воздух, как дустом ... дохлятиной сидим, а репродуктор на русском нам говорит, что, мол, США дали слово Сталину выполнить договоренности, а он им - не расстреливать нас. Я фразу запомнил: «Мы должны. И выполним Свою миссию. Это наш и ваш выбор». Ну, прямо по Шекспиру выбор, мать его англосаксонскую ...

Дед замолкает. Просит у жены воды. Потом еще.

- Кончилось тем, что ночью начали стрелять. Гремит все, слезоточивый газ пустили, ор стоит, по ногам стреляют. Нас сгребли, привезли в какой-то трюм, раздели догола и уложили на матрасы. Если кто приподнимался или в туалет просился, охрана сразу тыкала автоматами: «Садись!». Сутки так продержали. Чего там, под себя ходили. Потом голыми и в наручниках привезли на пароход. Когда тронулись, все понимали куда.

Одежду и вещи, даже ювелирные украшения, американские сопровождающие вернули бунтарям в океане. Из трюмов, чтобы никто не выбросился, не выпускали.

- Никто и не хотел, - вспоминает дед, - Воли не было. Овощами плыли. Я раз выглянул из трюма. Серая вода, серое небо, солнца нет. Добро опять подышать ...

Биохимия ГУЛАГа

Бельгийский Антверпен встретил русскими песнями и плясками: «Выходи-ила на берег Катюша ...». На железнодорожном вокзале, где грузился эшелон в Германию, пассажиры разгуливали с цветами, алыми бантами и с женами в легких европейских пальто. Жен не только из Бельгии - Норвегии, Франции, чуть ли не со всей Европы - победители, партизаны и бывшие пленные везли на смотрины родичам! Русская душа откликнулась на призыв генерала Голикова: «Возвращайтесь в СССР. Родина ждет вас с распростертыми объятиями. Вам все будет предоставлено: работа, жилье ...». Листовками с этим призывом был усыпан весь вокзал. Люди брали их как пропуск в новую жизнь.

- Даже я поверил, дурья башка, - дед все равно с теплом вспоминает ту атмосферу ожидания.

Когда поезд въезжал в немецкий Галле, расположенный в советской зоне оккупации, русские вольные затянули: «Ой мороз, мороз ...». Под лай собак песня гасла у перрона. Американцы с рук на руки передали пленных и мешки с провизией - консервами, паштетами и сгущенным молоком - советской охране. «Юнец на юнце, - подумал Маслов, - их самих охранять надо». Когда пленных выстроили на перроне, радио скомандовало по-русски: «Кто женат, по алфавиту от "А" до "Н" налево, от "О" до "Я" направо, жены - прямо и вперед». Тишина, не до песен. Одна из иностранок, думая, что это недоразумение, все совала листовку с призывом Голикова охране. И тянулась за мужем. Ей дали пинка и погнали к женщинам, мужа тоже автоматом в бок - и к своим.

- Сортировка людей началась, - у деда ком в горле. - Я стоял и думал: «Подразнили жизнью ...» Ладно бы только нас ... А охрана продолжает: «Командиры Красной армии, два шага вперед!» И вдруг полковника называют старшиной, капитанов - рядовыми.

Дед обложил себя кипой документов. Находит свой приговор. Десять лет трудовых лагерей за «измену родине» и за то, что «... после пленения войсками союзников сообщил американским разведорганам известные ему данные о структурном построении Красной армии». Маслов этой цитатой почти восхищается.

- Большевики умели соблюдать формальности. Обещали американцам не расстреливать пленных? Сдержали слово. Мы подписали «признания»? Подписали. Кому теперь докажешь, что мне с ходу приказали: «Подписывай, какое задание получил от американцев». Ну и что, что я отказался? Они знали толк и в биологии. С двух до четырех утра человек самый слабый. Вечером пытки, ночью допрашивают, утром на работу. Несколько суток таких кувырканий - и что угодно подпишешь, лишь бы приложить голову к деревянному полу, где крысы как соседи: ты им, они тебе не мешают ...

Маслову впяли 10 лет, а тем, кто воевал, по 25. Из Германии поезд с будущими гулаговцами тащился месяц. В городах стояли сутками. К составу цепляли новые вагоны, куда грузили диваны, шкафы, пианино, тюки с барахлом. Сопровождение НКВД было так занято, что лишь через неделю заметило бегство «полковника» Соловьева и «капитана» Ячменева, служивших карателями в СС. Они вырезали пол в вагоне и где-то в Польше сбежали. За ними еще двое.

- А когда нас выстроили покупатели - начальники лагерей, я настолько обнаглел, что блефовать начал, - дед лукаво улыбается. Стою как на базаре. Они спрашивают: «Кто работал портным?» Ищут сапожников, дворников, я молчу. Жду. «Механики есть?» «Я механик», - отвечаю. «Какая главная деталь у швейной машины?» - Экзаменуют. «Придаточный челнок», - выпалил первое, что пришло на ум. Был у сестры на швейной фабрике «Сельмаш», она рассказывала, что челноки там часто ломались. Это все, что я знал. А в глазах у покупателя интерес. Так я стал механиком пошивочного комбината под Воркутой.

Дед снова роется в бесчисленных бумагах.

- Пятьдесят пять почетных грамот получил, - на лице гордость пополам с тоской, рассматривает каждую.

- Это в ГУЛАГе? - Ничего не понимаю.

- В трудовом лагере, - поправляет дед не без обиды. И очень удивляется моему вопросу: «Какая разница?»

- В ГУЛАГе срок мотали. А мы народное хозяйство после войны восстанавливали. Там враги народа и мы враги народа. Но у нас есть цель - доказать, что мы как все.

Дед горд собой: Полстраны одевал-обувал. Их трудЛАГ получал одежду убитых, красноармейцев и фашистов, сортировал и шил из нее валенки-бурки, рукавицы, одежду для заключенных и спецформу для железнодорожников, охраны, шахтеров. Среди прочих почетных грамот особо хранит награды за рационализаторские предложения. Маслов смог объединить индивидуальные швейные машины в линию поточного производства, и его повысили. Он переехал в Воркуту и стал работать на Центральном ремонтно-механическом заводе.

- Там тоже рационализаторствовал, - он с такой теплотой заводит рассказ о трудовых буднях, будто и не о тюрьме вспоминает.

- Неужели три года в плену были хуже, чем десять в ГУЛАГе? - Спрашиваю.

Он умолкает, сопит, как обиженный карапуз, что-то вспоминает:

- Не десять, а восемь. Два года скостили за перевыполнение выработок. Но не в этом дело. Мне даже в голову не приходило сравнивать плен с лагерями. Что такое плен? Это даже не срок, это даже не рабство. Это обещание сделать рабом, если подойдешь. Там в башке вообще все атрофируется. Ты как вещь. В ГУЛАГе ты враг, но человек, делом занят.

Дед снова роется в бумагах. «Куда же она задевалась?» - Разговаривает с собой. Окончательно путается в грамотах и благодарностях.

- Вот она родимая, - протягивает пожелтевшую вырезку из местной газеты «Красная Печора». - Передовица. Это о том, как я на 135% норму перевыполнял. Враг народа... Как говорится, по Сеньке шапка, а по едрене матери колпак.

Безнадежный оптимист. Может, потому и выжил?

Биохимия свободы

После лагерей его сослали за 101-й километр В Можайск. Рекомендации трудЛАГа сыграли ключевую роль: взяли механиком в МТС, потом в нарушение инструкций назначили заместителем директора Можайского СУ, строившего дороги.

- Я был на седьмом небе, - дед светится сознанием своей значимости. - Мне тридцать один, 1954 год, вокруг разруха, бабы, дети и бандиты. А у меня мечта. Я столько бездорожья насмотрелся за время войны, что слово себе дал: выживу - дороги буду строить.

На самом деле это назначение было почти подставой. Дорожнику Маслову в подчинение дали амнистированных уголовников. Значение слова «выселка» он понял лишь за 101-м километром. Там каждый имел свою вотчину. Каждый - царь. На работу постоянно приходили разные люди, или не приходили вообще. Раз на смену не пришел брат будущей жены Маслова Константин. Вместо него явился вор в законе и его свита. «Наказан он», - роняет вор. Маслов мчит к Косте домой. Тот лежит с окровавленной головой.

- Тогда как было, - говорит Ирина Борисовна, - Бандиты считали западно работать, тем более на воле и при оружии. Вот они по понятиям и дали Косте задание, а он, крановщик, не то не выполнил его, не то не понял объемов работы. Сходка присудила снять с него скальп, но не до конца разрезали, приподняли и назад приложили. Сказали: «Живи, сука. Помни щедрость воров в законе».

- В тюрьме, ей-богу, правила были понятнее, - продолжает Маслов. - Мы там за колючкой жили как надо, а урки на воле - как хотели. Так и говорили: «Живу как хочу». Как им объяснить, что свобода не воля? Свобода - она как правда, всем неудобна. Потому как работать надо. Много работать. И над собой, и для людей. Раз

дашь себе послабление, и эта свобода ... как и не было ее.

Таким послаблением Маслов считает два события. Сначала он стал крестным у вора в законе.

- Они все верующими были, так и говорили: «Я храму жертвую». А то, что эти «пожертвования» они отбирали у работяг и своих же урок, вроде как норма.

Вот и Маслов пошел с ними на сделку: он дает норму работ, но не интересуется, кем она выполняется, а воры гарантируют сроки.

Второе послабление аукается до сих пор. После снятия судимости он долго шел к тому, кем стал: чиновником Росавтодора, уважаемым человеком, отцом двоих детей, консультантом фильма «Война и мир» и церемонии открытия и закрытия Олимпиады-80. Но как жить в стране победившей фашизм, пусть бывшему, но врагу народа? Семь миллионов советских людей прошли через трудЛАГи за предательство и пособничество. Большинству из них и в голову не приходило рыпаться. Маслова подвело упрямство. В реабилитации ему последовательно отказали девять раз. Последний - в 1997-м. Вот тогда спецслужбы и обратили внимание на удостоверение участника Великой Отечественной войны, выданное в 1980-м, которое фиксировало его фронтную деятельность с 1941 по 1945 год. Будто и не было никакого плена.

- Кому надо, про плен знали, - Анатолий Савкин, бывший глава администрации Мамонтовки, не скрывает, что папку с документами на Маслова ему передали из спецслужб сразу, как только семья переехала в эту местность. - Ну да, суд принял решение о лишении его статуса ветерана войны. Но надо знать Маслова - он дойдет до Страсбурга. Если копнуть, то выяснится, что у половины страны родные или соседи отсидели в ГУЛАГе. Теперь они ветераны труда. И что, лишать их статуса? Почему в Германии таких проблем нет? Почему мы не научились уважать свою историю и ее свидетелей?

Напоследок захожу к Масловым. Они знают, откуда я, но ни о чем не спрашивают. Угощают чаем с пирогами. Дед сильно взволнован. По телевизору первый раз увидел памятник маршалу Жукову на Манежной площади. Места себе не находит.

- Не чтим мы своих героев! - Сергей Николаевич так и не притронулся к чашке. - Если бы Жуков был живой, он бы собственными руками эту статую снес. Позор! Победитель Второй мировой войны на иноходце сидит. Боевая лошадь крест-накрест ходит. Передняя правая, задняя левая; передняя левая, задняя правая. А иноходец - две правых, две левых, две правых, две левых... Таких в армии не держат. Иноходцев монголы со времен Чингисхана растят в неволе. В природе они, как коллаборационисты, не встречаются ...

Автор: Владимир Емельяненко © Русский репортер ИСТОРИЯ, РОССИЯ 5113 20.05.2014, 08:34 782
URL: <https://babr24.com/?ADE=125931> Bytes: 29100 / 28791 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Владимир Емельяненко** .

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)